

ХОЛОДНЫЕ ТЕНИ

ВАСИЛИЙ КРИПТОНОВ

МИЛА БАЧУРОВА

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К82

Любое использование материала данной книги, полностью или частично,
без разрешения правообладателя запрещается.

Серийное оформление — *Екатерина Андреева*.

Криптонов, Василий.

К82 Холодные тени : [детективный роман] / Василий
Криптонов, Мила Бачурова. — Москва: Издательство
АСТ, 2023. — 352 с. — (Расследование вели двое).

ISBN 978-5-17-158847-2

Спрятать на изолированной антарктической станции потенциальную жертву, регулярно получающую письменные угрозы от неизвестного, — разве можно найти идею удачнее?

Так думал и Неон, которого попросили разоблачить анонимного преследователя. Но даже он не мог предположить, что в герметичном пространстве посреди Антарктиды начнется настоящий кровавый кошмар. И пусть оставленная маньяком подсказка ведет в далекое прошлое, заставляя вспомнить, как самого Неона обвиняли в убийстве, это не повод оставить без внимания то, что происходит здесь и сейчас, среди витающих на станции холодных теней.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-158847-2

© Криптонов В., Бачурова М., 2023
© ООО «Издательство АСТ», 2023

— † Пролог † —

Телефон приглушенно тренькнул. Брю запустила руку под подушку, нащупала теплый пластик. Не сразу получилось сфокусировать взгляд. Сон не хотел отступать. Лицо Билла Каулитца* на заставке казалось размытым пятном.

Брю часто заморгала, прогоняя сонливость. Было раннее утро, солнце только-только пыталось лучами забраться в комнату, и комната казалась серой, унылой. Серые обои на стенах, серый потолок, серый письменный стол.

Усевшись в постели, Брю потерла ладонями лицо, зевнула и вновь поднесла к глазам телефон. Уведомление было всего лишь от аккаунта Габриэлы — вышел новый пост. Брю открыла ссылку и увидела фотографию, под которой уже собирались сотни лайков и комментариев.

— Идиоты, — буркнула Брю.

Габриэла сидела на слоне и улыбалась в камеру. И что в этом такого особенного? Похожих фотографий

* Вокалист немецкой группы Tokio Hotel.

в интернете можно найти тысячу штук. Неужели людям до такой степени лень гуглить, что они сидят днями в ожидании новой порции фоток от Габриэлы?

Окончательно проснувшись, Брю добавила свой лайк к полутысяче чужих. Никто не скажет, будто она завидует. Завидовать совершенно нечему! Вот если бы ее сестра и правда делала что-то особенное... Например, записала бы песню, которая вот-вот станет хитом...

Брю открыла почтовое приложение, проверила входящие, но там было пусто. Так же пусто, как и в папке «спам».

«Это ничего, — успокоила себя Брю. — Я отправила трек всего неделю назад. Им наверняка приходят сотни таких каждый день. До моего просто пока не добрались».

Письменный стол Брю был оборудован под мини-студию. Звукопоглощающий экран, микрофон с поп-фильтром, мощный компьютер. Подарок от Габриэлы на прошлый день рождения. Брю всего лишь обмолвилась, что хотела бы попробовать записывать песни, а Габриэла запомнила. Она всегда все запоминает...

Музыку написал один парень из Берлина — Брю познакомилась с ним в Сети. Ему понравился ее голос, к тому же Брю приврала, будто у нее есть знакомые в звукозаписывающей компании. Трек они сделали за три дня, и вот уже прошла неделя, как от звукозаписывающих компаний нет ответа.

Пару дней назад Брю, не выдержав, тайком от соавтора выложила трек на SoundCloud. Если верить статистике, кто-то прослушал его пару раз — и это всё. Ну то есть пока — всё...

Брю встала с кровати. Шлепая босыми ногами, направилась к ванной комнате. Ее сопровождали развешанные на стенах семейные фотографии. То есть якобы семейные. Практически с каждой из них улыбалась Габриэла.

Габриэла демонстрирует диплом с отличием, стоя перед Мюнхенским университетом Людвиг-Максимилиана. Габриэла раздает автографы на презентации своей первой книги о путешествиях. Габриэла в какой-то африканской деревне в окружении местных детишек...

Поставив чайник в кухне, Брю вышла на крыльцо, выгребла из почтового ящика стопку листовок и конвертов. Вернувшись, рассыпала конверты по кухонному островку и стала перебирать. Счета... Реклама... Предложение от банка...

Один конверт выделялся среди остальных. Так сильно, что показался Брю чем-то инородным, как будто попавшим в их почтовый ящик по ошибке. Это было личное письмо, и адресовано оно было Брюнхильде Крюгер. Адрес и имя получателя были выведены от руки, странным витиеватым почерком, как будто отправитель учился писать веке в восемнадцатом. А обратного адреса не было вовсе.

Чайник начал сипеть, прочищая горло перед тем, как засвистеть в полную силу. Брю его не слышала. Сердце замерло от странного, какого-то тревожного ожидания. Она надорвала конверт и вытряхнула на стол сложенный вдвое лист тонкой, почти прозрачной бумаги.

Развернув лист, Брю прочитала письмо. Это не заняло у нее много времени. Там было всего восемь слов, если считать за слово предлог.

«Желаю тебе сдохнуть в страшных мучениях,
тупая шлюха».

Визг Брю раздался одновременно со свистом закипевшего чайника.

— † 1 † —

Путешествовать бизнес-классом до сих пор Веронике не доводилось. На том, чтобы занять эти места, настоял Тимофей. Не из-за тяги к комфорту — с его неприятельностью он прекрасно чувствовал бы себя и в неоткидывающемся кресле последнего ряда.

«В бизнес-классе — два места, — сказал Тимофей. — На других рядах мест больше».

«...и рядом с нами сядут посторонние люди, — поняла Вероника. — Господи боже, какой кошмар».

Больше она вопросов не задавала. Купила билеты, перед вылетом зарегистрировалась на рейс, в аэропорту отвела Тишу в лаунж-зону, чтобы не мучился, ожидая вылета в толпе, а сейчас наконец уселась в широкое удобное кресло. Попросила бортпроводницу принести воды и с удовольствием вытянула ноги.

Покосилась на Тимофея. Тот, отгородившись от мира наушниками, с каменным выражением лица смотрел в окно.

— Тиш? — Вероника потрогала его за рукав.

Тимофей вопросительно обернулся и вынул один наушник.

— Ты обещал рассказать, кто такая Габриэла.

Тимофей вздохнул. Остановил очередную занудную хрень, которую слушал вместо музыки. На вкладках

в телефоне выбрал поисковик, набрал латинскими буквами:

«Gabriela...»

Фамилию Габриэлы набирать не пришлось: поисковик услужливо показал ее уже в четвертой строчке. Тимофей коснулся вкладки и протянул смартфон Веронике.

Со страницы задорно улыбалась загорелая красотка, одетая в футболку и рваные джинсы, порванность которых — судя по бренду — равнялась примерно десяти прожиточным минимумам городка, в котором родилась и выросла Вероника. Переводом страницы Тимофей, как обычно, не озаботился, но цифры в переводе и не нуждались.

— Шесть миллионов подписчиков?! — ахнула Вероника. — Ни фиги себе у тебя подруги.

— Шесть миллионов сто двадцать три тысячи — во-первых, — поправил Тимофей. — Во-вторых, Габриэла — не моя подруга. Мы не общались четырнадцать лет. Я не следил за ее судьбой и до недавнего времени понятия не имел, чем она занимается.

— А чем она занимается?

Тимофей кивнул на смартфон у Вероники в руках:

— Там все написано.

— Там по-английски написано.

— По-немецки.

— Неважно! Трудно ответить, что ли?

Тимофей вздохнул. Секунду поколебался — видимо, решая, отвечать Веронике или заставить ее изучать вопрос самостоятельно. Но в итоге решил, что открыть рот — предпочтительнее, чем позволить Веронике дальше копаться в его смартфоне.

— Габриэла — блогер. Ведет канал о путешествиях.

— О как. — Вероника посмотрела на Тимофея с интересом. — Популярный блогер? И что же мне это напоминает?

Тимофей поморщился:

— Если ты намекаешь на меня, то между моей работой и работой Габриэлы нет ничего общего. Формально я действительно отношусь к блогерам, но не веду свой канал самостоятельно. Я не общаюсь с подписчиками и уклоняюсь от любой публичной деятельности. Этим участком занимаетесь вы с Вованом.

— Подумаешь! — фыркнула Вероника. — Какая разница?

— Огромная. Габриэле — судя по тому, что я вижу на ее странице, — нравится быть популярной. Я же воспринимаю популярность как неизбежное зло.

Вероника пожала плечами:

— Не убедил, но ладно. А почему вы не общались четырнадцать лет?

Тимофей снова помедлил с ответом. Отозвался неохотно:

— Потому что Габриэла была моей одноклассницей. После того, как меня перевели в другую школу, точек соприкосновения у нас не осталось.

— Ну конечно, — пробормотала Вероника. — Телефон, соцсети — это ведь все для слабаков. Какие уж тут точки соприкосновения, и правда. Откуда им взяться...

Чем более явно Тимофей уклонялся от рассказа о Габриэле, тем интереснее становилось Веронике. Шутка ли: впервые за четыре года она узнала, что в Тишиной жизни был период, когда он близко общался с представительницей женского пола! И неважно, что

ему тогда было... сколько, тринадцать лет? Да, около того. Совершенно неважно!

Вероника еще раз взглянула на фото Габриэлы. Приблизив его и тщательно рассмотрев, вынуждена была признать, что придраться не к чему. Никаких силиконовых губ, накладных ресниц и татуажа бровей. Стройная, ухоженная брюнетка с модной стрижкой и почти незаметным макияжем.

Девушка с ног до головы была упакована в стильные, идеально подобранные шмотки (названия брендов присутствовали там же, на странице). На заднем фоне плескалось нереально синее море. Габриэла стояла, небрежно облокотившись о борт белоснежной яхты.

Прочие фотографии на странице оказались не менее шикарными. Менялся фон — заснеженные горы, бескрайняя пустыня, буйная зелень джунглей, развалины древних городов и неоновые огни мегаполисов. Не менялась только внешность Габриэлы. Тишина подруга детства выглядела настолько безупречно, что Вероника невольно сжала руки в кулаки: перед отъездом до того забегалась, что не успела обновить маникюр.

— Как-то странно получается, — обронила Вероника, делая вид, что ей это вообще-то совершенно безразлично. — Вы с этой Габриэлой не общались четырнадцать лет, а потом она вдруг обратилась к твоей маме и объявила, что ей нужна твоя помощь?

Тимофей пожал плечами:

— Не вижу противоречий. То, что я не следил за судьбой Габриэлы, не означает, что она не интересовалась моей. Габриэла всегда была любопытной. И, видимо, знала, чем я занимаюсь.

— Все равно ерунда какая-то. Ты — в России, она — в Германии. Неужели ей проще вызвать тебя — с ко-

торым не виделась четырнадцать лет, — чем нанять детектива по месту жительства?

— Проще обратиться в мюнхенское сыскное агентство, — кивнул Тимофей, — безусловно.

— Но Габриэла, тем не менее, обратилась к тебе.

— Не ко мне, а к моей маме. Они, как я понял, время от времени общались.

— Ну о'кей, попросила маму вызвать тебя — неважно. Почему она так поступила? Настолько не доверяет местным службам?

— Скорее, доверяет мне.

— О. — Вероника подняла на Тимофея делано-восхищенный взгляд, поаплодировала. — Поздравляю! Твои расследования выглядят так впечатляюще...

— Думаю, новые расследования тут ни при чем.

— Новые? — удивилась Вероника.

— Скорее, Габриэла помнит о старом расследовании.

— То есть ты и раньше занимался расследованиями? А почему мне не говорил?

— Я не занимался расследованиями. — Тимофей выделил голосом последний слог. — Это был единственный случай.

— Но... — Вероника растерялась окончательно. — Если об этом расследовании помнит Габриэла, то...

— Да. Четырнадцать лет назад. Мы с ней оба были детьми. Габриэла мне помогала.

Вероника фыркнула:

— И что же вы такое расследовали, интересно? Пропажу шоколадки из школьного рюкзака?

— Почти. Меня обвиняли в убийстве.

— Что?! — Вероника вытаращила глаза.

— Напитки, пожалуйста? — В проходе рядом с ними остановилась бортпроводница, толкающая перед собой тележку.

Тимофей отрицательно мотнул головой и отвернулся к окну.

После того как Вероника приняла из рук девушки стаканчик с соком и дождалась, пока та покатит тележку дальше, она попробовала снова обратиться к Тимофею. Но он уже сидел в наушниках с закрытыми глазами.

Вероника вздохнула. Она слишком хорошо знала, что это означает.

Если Тиша закрыл глаза, трогать его бесполезно. Он вернется в окружающую действительность не раньше, чем захочет этого сам.

— † 2 † —

ЧЕТЫРНАДЦАТЬ ЛЕТ НАЗАД

Рюкзак...

Странно — из памяти давно стерлись имена и лица учителей и одноклассников. Он не помнит, где находилась школа; если окажется в этом районе снова, найти ее самостоятельно не сумеет. Но рюкзак, свой школьный рюкзак, тот, с которым приехал из России, помнит до сих пор.

Рюкзак ему купила бабушка, еще в начальной школе. Это был подарок на первое сентября. Темно-синий, с дурацкой картинкой из мультика, изображающей машинку с человеческими глазами. Стандартная логика родителей и бабушек: мальчик должен любить машинки.

Тимофей не любил машинки и мультики про них не смотрел. Он вообще не смотрел мультиков.

Самым приятным в рюкзаке оказалось то, что картинка с него быстро стерлась. Через полгода от нее остался только смазанный силуэт. Когда родители объявили, что они уезжают жить в Германию, рюкзак Тимофей взял с собой. Сложил туда самое необходимое: свой дневник — он тогда вел бумажный дневник, — нужные книги, папку, в которой собирал вырезки из журналов. Он и в школу пошел с этим рюкзаком — хотя мама притащила откуда-то новый, бесплатный, выданный социальной службой.

К рюкзаку те придурки и докопались. Если бы не было рюкзака, они, конечно, нашли бы другой повод. Но рюкзак — был. И другой повод искать не пришлось.

Тимофей тогда плохо знал язык. Два месяца занятий, организованных службой адаптации эмигрантов, — срок явно недостаточный для того, чтобы начать свободно говорить. Но свободное владение языком в данном случае и не требовалось.

— Что это за (...)?!

— В какой (...) он это нашел?!

— Надо выбить из него (...)!

Рюкзак Тимофея пацаны-одноклассники перекидывали друг другу. Это было непривычно: в старой школе, в России, его не трогали. В старую школу он перешел из детского сада, попал в один класс с несколькими ребятами, которые хорошо его знали. Не трогали странного одноклассника сами и, вероятно, сумели донести до других, что этого делать не стоит. В новой школе его не знали.

Развлечение с перекидыванием рюкзака не было для Тимофея чем-то из ряда вон выходящим. Ему

и прежде доводилось наблюдать подобные сцены, и он тогда искренне не понимал плачущих, мечущихся между гогочущими палачами хозяев рюкзаков. Понятно же, что терпения у этих идиотов — кот наплакал. Нужно просто подождать, пока они наиграются. А будешь метаться — только еще больше их раззадоришь.

Тимофей отошел в сторону и скрестил руки на груди, выжидая. Заметил на себе недоуменные взгляды одноклассников — они явно не рассчитывали на такую реакцию. Весьма вероятно, что развлечение скоро сошло бы на нет.

Но тут из рюкзака выскочил мячик. Оранжевый, из пористой резины, разрисованный цветочками. Это был подарок Вероники. Тот, кто стоял ближе всех к выскочившему мячику, метнул на него хищный взгляд.

И Тимофей не выдержал. Рюкзак — черт с ним. Но позволить чужим мерзким лапам схватить мячик, который подарила Вероника, показалось кощунством.

Он бросился к мячику. Тот урод, с самым тупым и мерзким взглядом, был к этому готов. Он подставил Тимофею подножку. Тимофей растянулся на полу, а урод схватил мячик. Показал его Тимофею, заржал и перекинул товарищу — вместо рюкзака.

Что было дальше, Тимофей не помнил. Дальше был провал.

Следующий кадр — Тимофей сидит вместе с матерью в кабинете директора школы. Рядом охают и качают головами какие-то тетки. Школьный психолог, представитель социальной службы, черт их знает, кто еще. Теток много, и каждая считает своим долгом высказаться. Говорят они быстро, Ти-

мофей понимает едва ли половину. Но о смысле догадаться несложно.

— Вы обязаны были предупредить нас о том, что у ребенка случаются припадки!

— Но это происходит очень редко... Их не было уже почти год!

На маму жалко смотреть. Так бывает каждый раз, когда он ведет себя «как звереныш». В такие минуты Тимофей думает, как же сильно мама жалеет о том, что его родила.

— Мы работаем над этим. Мы занимаемся с психологом. Прогресс очень серьезный, если хотите, я могу предоставить справку...

— Предоставьте лучше адекватное поведение ребенка, фрау Бурлакофф. Иначе нам придется с вами расстаться.

Тимофей сидит, опустив голову. Он уже понял, что из школы его не выгонят, хотя сам этому только обрадовался бы. Но для мамы важно, чтобы он туда ходил. Чтобы учился «как все», чтобы общался «с нормальными детьми».

«Тебя же выгонят!» — это, по маминому мнению, самое страшное, что может с ним случиться. Читая учебники и выполняя задания дома самостоятельно мама не разрешает. Она свято верит всему, что говорит психолог. А психолог говорит, что Тимофею необходимо адаптироваться в непривычной среде. И для этого очень важны, просто жизненно необходимы социальные контакты.

Психологу невозможно объяснить, что для Тимофея непривычна и некомфортна любая среда, в которой приходится общаться с людьми. Он не понимает людей. Люди не понимают его. Это аксиома,

против которой не попрешь. И никакие трижды проклятые контакты тут не помогут. Не излечат его от припадков — уж точно.

Припадки. Сам Тимофей привык называть это «провалами». Состояние, когда он будто проваливается в другую реальность. А вынырнув из нее, не помнит, что с ним было.

«Пиковое эмоциональное состояние порождает неосознанное желание уйти от реальности» — эти слова психолога он выучил еще в раннем детстве.

Иногда просто впадал в подобие анабиоза и переставал реагировать на внешние раздражители. А иногда уход от реальности провоцировал агрессию. Тимофей дрался, кусался, во втором классе попытался задушить учительницу. На самом скучном из всех возможных уроков — рисовании — он, вместо того чтобы раскрашивать дурацкую открытку на Восьмое марта, записывал в дневнике размышления о том, что бесконечность на самом деле — конечна.

Учительница на Тимофея накричала, отобрала дневник и пообещала, что выкинет «эту дрянь» в окно. На то, чтобы задушить учительницу ее же шейным платком, сил у него, конечно, не хватило.

Психолог советовал не называть припадки — припадками. Он сам и мама с его подачи говорили: «сложная ситуация».

Мир взрослых лицемерен. Взрослым нравится прятаться за красивыми словами и обтекаемыми формулировками... Странно. Ведь красота формулировок никак не влияет на суть явления. Но в мире взрослых много странного и нелепого, к этому Тимофей привык.